

Я. Н. Любарский

ВИЗАНТИЙСКИЙ МОНАХ XI в. ИЛЬЯ

(По материалам переписки Михаила Пселла)

Усилившийся в последнее время интерес к византийской топографии обусловлен новым прочтением материалов, касающихся жизнедеятельности константинопольской и провинциальной знати. Их жизнеописания чаще всего восстанавливаются по источникам, содержащим данные анкетного типа: примерные место и время рождения, продвижение по иерархической лестнице и т. п. Особый интерес представляют сведения о людях из низов, когда они носят не формальный характер, а позволяют в какой-то степени воссоздать образ давно умершего человека. Именно такую возможность дают сохранившиеся несколько писем Михаила Пселла, упоминающие некоего монаха по имени Илья.

Имя Ильи встречается в девяти письмах (V, ep. 153, 154; II, ep. 8, 93, 97, 98, 212 — BS, v. 12, 1951, p. 51—52)¹. Илью, по-видимому, имеет в виду Пселл и тогда, когда рассказывает о «славном своей добродетелью монахе», который, пожелав обойти всю ойкумену, заимел намерение посетить и фему Фракисий (II, ep. 270). Характеристика монаха в этом письме совпадает с отзывами об Илье в других письмах: отмечается его красноречие, приятность нрава, умение доставить удовольствие собеседнику, рассмешить его.

Об Илье говорится и в одном из неопубликованных писем Пселла². Адресатами этих писем являются: 1) судья Опсикия (II, ep. 97, 98); 2) племянник Михаила Кирулария (II, ep. 212); 3) севастофор Никифор (II, ep. 8); 4) судья Фракисия Сергей (II, ep. 270 — BS, v. 12, p. 51—52); 5) судья *top katotikon*, т. е. Эллады и Пелопоннеса³ (II, ep. 93); 6) некое неизвестное лицо (V, ep. 153, 154).

Можно предположить, что севастофор Никифор — не кто иной, как временщик Михаила VII, лучше известный в истории под именем Никифорицы. В годы царствования Романа Диогена (1068—1071) Никифорица исполнял функции судьи Эллады и Пелопоннеса⁴, и Пселл состоял с ним в этот период в переписке (V, ep. 103). Как явствует из письма, севастофор Никифор находился в Элладе.

«Неизвестное лицо», которому были направлены послание V, ер. 154 и предшествующее ему в рукописи V, ер. 153, скорее всего, было стратигом или патриархом Антиохии: Илья является к нему с целью «посмотреть» Келесирию (V, р. 403. 21).

Из всех упомянутых писем приближительной датировке поддается только II, ер. 8, которое относится к царствованию Романа Диогена (времени пребывания Никифорицы на посту судьи Эллады и Пелопоннеса)⁵.

Кто же такой монах Илья, которому Пселл уделяет столь не по рангу большое внимание? Некогда Илья был женат («Он знал, что такое ходить в упряжи» — II, р. 121). Во время знакомства с Пселлом на плечах Ильи — мать и родня («Он живет не только для себя... но и для матери, которая возлагает на него надежды, и для родни» — V, р. 402, 22—24). Последнее обстоятельство вынуждает Илью пускаться в длительные путешествия в разные концы света и с помощью Пселла искать покровительства то у судей Опсикия, Эллады и Пелопоннеса, Фракисия, то у племянника Книрулария, то у властителя Антиохии...

Своего протеже Пселл рекомендует со знанием дела (сам он определенно пользовался его услугами): «И я не раз восхищался этим мужем, клянусь твоей святой душой, и — что тут скажешь — очень его полюбил, потому что он то оказывал мне необходимые услуги и своей рукой писал для меня быстро и красиво, то, перестроившись, обращался к мелодическому пению, а затем (как тут не перехвалить его!) сбрасывал платье и хитон и начинал изображать всевозможные сценки». Своему корреспонденту Пселл сообщает, что монах для него «не только с готовностью напишет что надо, но и помает, постелит постель, приладит седло и сделает все, что будет угодно господину» (V, р. 251. 1—17). Видимо, в доме Пселла Илья выполнял роль полушута, полуслуги, т. е. человека, использовавшегося для всевозможных мелких поручений и услуг.

Основное свойство Ильи — его «низменность»: «Есть у меня некий Илья — человек вовсе не возвышенный, земной (*prosgeios*), не способный подняться над землей» (II, р. 121. 1—2). Илья — волокита (*parthenopipas* — II, р. 121. 13—14) и обжора: «Кормится он не куском хлеба, испеченного из горсти муки, а пищей жирной, масло льет не из бутылки, а щедро, прямо из бочки» (II, р. 121. 16—19)⁶. Низменность нрава Ильи оттеняется его монашеским обликом. «Одно для бога, другое для мамоны, для бога — чистая душа, для мамоны — природа, обремененная страстями. Третьего до сих пор дано не было. Но этот монах Илья и тут ввел новшество, он не предан ни Богу, ни мамоне, но обоим им воздает свое: Богу — монашеское обличие — нашу святую пристань, а мамоне — свойства души и члены тела. Поэтому, вознося славу богу, он блудодействует умом; бесчинствуя целыми днями, к делу приступает с осмотрительностью. На его глазах быстро появляются слезы, а раскаяние следует сразу за страстями. Он быстро изменя-

ется и знает для себя только два прибежища: публичный дом и монастырь» (II, р. 126. 18—127. 4).

В неустойчивом равновесии души и тела последнее у Ильи постоянно берет верх, и все попытки монаха отрешиться от своей земной природы кончаются неудачей. «Желал этот монах отказаться от всех земных благ», «воспарить к богу и причалить к заповедной гавани», но его удерживали «телесная оболочка и большой вес, брненное тело и тяжкий груз» (V, ер. 153).

Письмо — описание морского путешествия, которое Пселл совершил вместе со своим протеже (II, ер. 97), — великолепно дополняет характеристику Ильи: «Выйдя из Триглей, мы плыли вдоль гористого берега, с нами на борту находился великий аскет Илья. Поэтому море спокойно несло корабль, и кругом царила тишина. Буря утихла ради него, но сам он носился по волнам, сердце его билось утешенно и распаляло душу страстями. Вспоминал он не гору Кармел или какое-нибудь другое уединение, а публичные дома и лавки в городе, а также то, какие из публичных женщин хорошо владеют своим ремеслом, а какие для дела не годятся. Он знал, не распутничает ли какая-нибудь торговка, не сводничает ли девка и не творит ли блуд сводник. Он перечислял, кто действует в открытую, а кто прячется по углам...» Далее повествуется о том огромном впечатлении, которое рассказ монаха произвел на команду и пассажиров судна. Сам Пселл поражается, что богохульника не пожрало морское чудовище, впрочем, Илья заверил его, что распутничает только на словах...

Любовью к грубым удовольствиям отнюдь не исчерпывается натура Ильи. Можно даже подумать (монах блудодействует только на словах!), что Илья сознательно играет роль полушута и балагура, роль, в которую низменность пристрастий входит как обязательный компонент. В доме Пселла монах чувствует себя так же свободно, как в веселых заведениях Константинополя. Для характеристики монаха философ находит слова, которые менее всего подходят для низкопробного балагура. «Одни люди, — рассуждает Пселл в начале письма племяннику патриарха, — уподобляются музам (олицетворяющим в глазах византийца серьезные философские занятия. — Я. Л.), другие — харитам (представляющим изящные искусства. — Я. Л.), тот же, кто сочетает в себе свойства тех и других, тот — человек совершенный и высший по добродетели. Таков у нас и этот удивительный монах» (II, ер. 212). Эти слова в устах Пселла звучат как лучшая похвала: умение сочетать музы с харитами (т. е. ученость с изяществом) философ считает одним из главных достоинств образованного человека.

«Идущее от муз» в Илье интересует Пселла значительно меньше, чем «идущее от харит»: «Если ты почитаешь харит, любишь шутить, весело смеяться и забавляться, — продолжает Пселл, — то тебе очень понравится этот человек, который изображает театральные сцены и, подобно временам года, меняет свой вид, изоб-

ражая то Аякса Теламонида, то Мифаика, то Патаика, то торговца Сарава»⁷.

Илья представляет немалый интерес для Пселла своей одаренностью, житейской опытностью, живым нравом, склонностью к лицедейству и т. п. Несомненно, Илья — незаурядная личность. Ко всем перечисленным его природным качествам, видимо, следует добавить и такое свойство, как любознательность: можно предположить, что свои многочисленные путешествия Илья совершает не только из материальной необходимости, но и из желания повидать новые земли⁸. Любопытно, что, говоря о странствованиях Ильи, Пселл называет жизнь монаха философской (V, р. 403.4), а самого Илью сопоставляет с Платоном, предпринимавшим поездки в Сицилию! Сравнение с Платоном — высшая похвала, которой можно было удостоиться от Пселла.

В характере Ильи находит выражение взаимопроникновение возвышенного и низменного, «верха» и «низа», столь характерное для средневековой, и в частности византийской, идеологии⁹.

Было бы неосторожным принимать Илью, каким он представляется в переписке Пселла, за реального византийского монаха. На самом деле в значительной степени это художественный образ, построенный по законам художественного отражения. Во всех восьми письмах, посвященных Илье, создается единая личность. Три письма представляют собой типичную экфразу, сам жанр которой предполагает «олитературивание» героя (II, ер. 93, 97, 98). Но не только в них, а во всех посланиях об Илье Пселл пользуется своими излюбленными средствами построения образа. Это, прежде всего, как мы имели возможность убедиться, выделение основной черты натуры монаха — нарочитой приземленности¹⁰. Во-вторых, образ Ильи строится на сочетании несочетаемого или, говоря словами самого Пселла, «соседстве противоположностей» (*ton enantion geitniasis*)¹¹. В-третьих, подчеркивается изменчивость, «протеизм» героя¹².

Невозможно не отделать Илью — героя писем Пселла — от его реального прототипа. Это весьма важно для восстановления картины духовной жизни Византии XI в. Сам Илья — монах раблезианского типа (встреча с которым на территории Восточно-Римской империи в столь раннее время (XI в.) кажется несколько неожиданной) не соответствует обычным представлениям о византийцах того времени. С другой стороны, пристальное внимание, забота и интерес, проявляемые к бродячему монаху таким крупным ученым сановником, как Михаил Пселл, — довольно значимый штрих к сложному и противоречивому образу последнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье приняты следующие условные обозначения: V — *Bibliotheca graeca medii aevi*, ed. Sathas, V. P., 1876; II — *Michaelis Pselli scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexler, II. Milano, 1941.

Письмо II, ер. 212 в издании Курца-Дрексля (адресовано Кесарю Иоанну Дуке) не содержит имени Ильи. Однако то же письмо находится в другой рукописи Cod. Barb. 240, fol. 185^v, оно адресовано племяннику патриарха (т. е., видимо, Константину — племяннику Михаила Кирулария). В лемме сообщается, что речь идет об Илье Кристале (Крустуле?). Таким образом, мы получаем прозвище или фамилию героя.

² Vindob. phil. gr. 321, fol. 51. См.: *P. Canart. Nouveaux inédits de M. Psellos.* — REB, 25, 1967, p. 60. 28. Канар считает по непонятным причинам, что это письмо адресовано Пселлу каким-то корреспондентом. Ср.: *G. Weiss. Untersuchungen zu den unedierten Schriften des Psellos. Byzantina*, 2, 1970, S. 352, Anm. 55.

³ С адресацией этого письма не все ясно. В тексте издания Курца-Дрексля указано: «Судье *τον katolikon*». В то же время из подстрочного примечания явствует, что в рукописи письмо имеет лемму «*to auto*», а предыдущее письмо адресовалось судье Вукеллариев. Если письмо действительно было направлено судье Эллады и Пелопоннеса, его вероятный адресат — Никифорица.

⁴ См.: *R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines*, I. Berl. — Amsterdam, 1967, p. 186; REB, 21, 1963, p. 204.

⁵ К этому же времени должно относиться и II, ер. 93, если только его адресат действительно Никифорица.

⁶ См. дальше: «Ему недосуг закрывать и открывать небесный свод, зато он исследует земные глубины» — p. 121. 21.

⁷ Об этих персонажах см.: *L. Sternbach. Wiener Studien*, 25, 1903, S. 34.

⁸ См. в письме к властителю Антиохии (?): «Он пришел, чтобы посмотреть Келесирию... Знаешь что сделаю? Пока поддержи его у себя, а потом отправь его в Ливию и Азию» (V, p. 403. 21—22). В письме II, ер. 270 сообщается, что монах пожелал обойти весь мир. О странствующих монахах в Византии говорится у Зонары (Ср.: *А. Каждан. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа.* — ВВ, т. 31, 1971, стр. 51, прим. 17).

⁹ См.: *М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле.* М., 1965, стр. 157 сл.; *А. Каждан. Византийская культура.* М., 1968, стр. 162 сл.

¹⁰ Исходя из априорных представлений о византийском спиритуалистическом мироощущении, мы могли бы предположить, что это свойство героя должно вызвать безусловное осуждение автора. Но на деле происходит обратное. Можно было бы немало привести примеров осуждения Пселлом излишнего аскетизма, в то время как подчеркнутый антиаскетизм Ильи вызывает с его стороны полное, хотя по необходимости несколько закамуфлированное, одобрение.

¹¹ Это соседство противоположностей (монашеского обличия и земной природы), по Пселлу, — обычное свойство человека. На подчеркивании этой внутренней противоречивости строится ряд лучших образов «Хронографии» — Константина Мономаха, Иоанна Орфанотрофа и др.

¹² См.: *Я. Любарский. Исторический герой в «Хронографии» М. Пселла.* — ВВ, т. 33, 1972, стр. 95 сл.